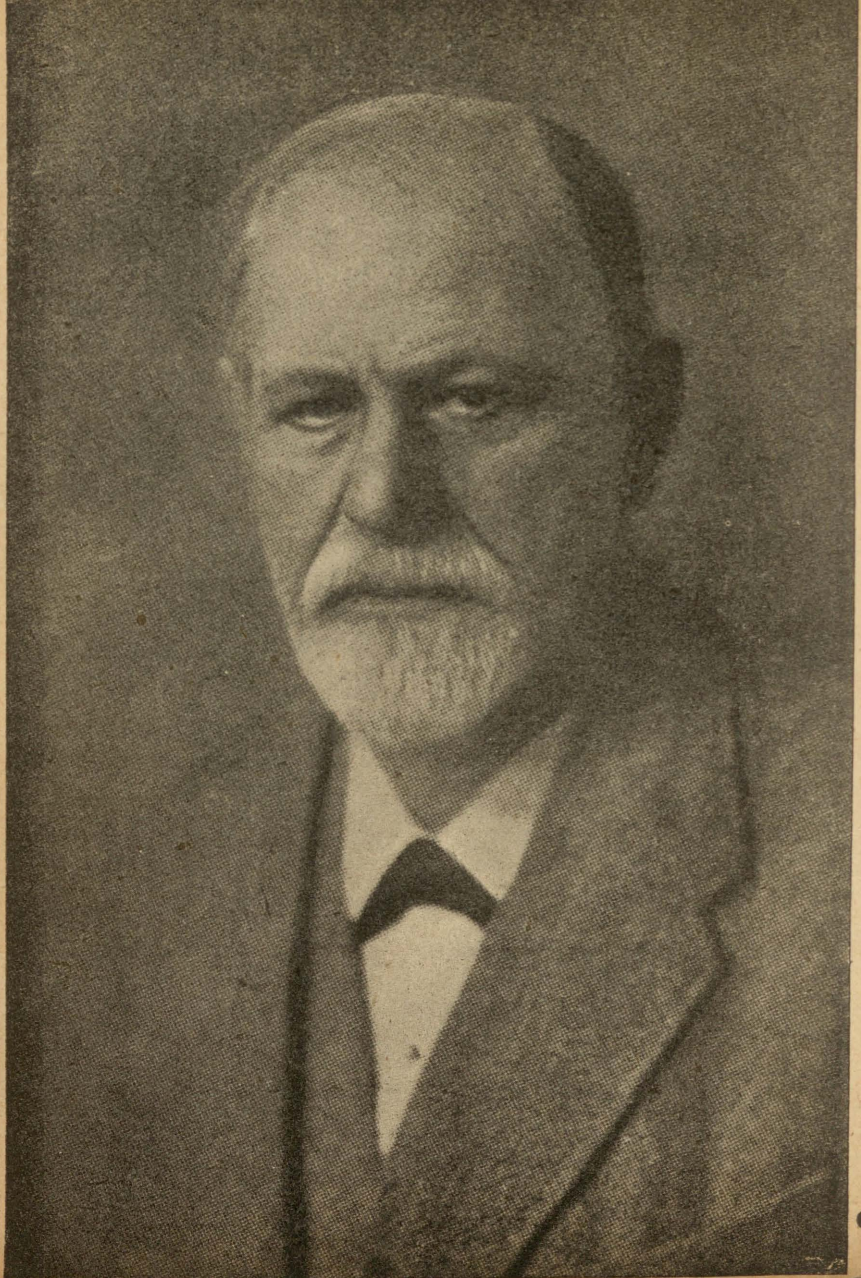
ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

Проф. ЗИГМУНД ФРЕЙД

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Перевод с немецкого
— и предисловие —
д-ра Я. М. КОГАНА

ОДЕССА—1926



15.

ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

Проф. ЗИГМУНД ФРЕЙД

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

Перевод с немецкого
— и предисловие —
д-ра Я. М. КОГАНА

ОДЕССА—1926.

5(081).

Окрлит № 304-п.

Тип. коллектива „Полиграф",
Одесса, улица Ленина, № 31.

Заказ № 1313—1.000 экз.

INTERNATIONAL
PSYCHOANALYTIC
UNIVERSITY BERLIN

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие 4
Сопротивление против психоанализа 9
Невроз и психоз 25
Утрата реальности при психозе и неврозе . . . 32
Гибель Эдипова комплекса 39
Некоторые психические следствия анатомического различия полов 49
Заметки о „вечном блокноте“ 66
Отрицание 74

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.

„Борьба за психоанализ отнюдь не закончена", пишет Фрейд. Не закончена она в Западной Европе, где родился, вырос и окреп психоанализ, завоевывая все новые и новые научные области. Не закончена она и у нас в СССР, где еще недавно прокатилась волна ожесточенной марксистской критики психоанализа и не менее страстной защиты его *) Возражения по некоторым пунктам марксистской критики психоанализа будут даны в готовящейся в настоящее время к печати работе д-ра И. А. Перепеля (Ленинград). Что же касается научной критики со стороны психиатров и психологов, которая (кстати сказать) бывает иногда явно тенден-

*) См. Залкинд. Фрейдизм и марксизм. „Красная новь", кн. 4 за 1924 г. Юринец. Фрейдизм и марксизм. „Под знаменем марксизма", кн. 8—9 за 1924 г.—Рейснер. Фрейд и его школа о религии. „Печать и революция", кн. 1 и 3 за 1924 г.—Он же. Фрейдизм и социальная психология. Там же, кн. 2 и 3 за 1925 г. Он же. Фрейдизм и буржуазная идеология. Предисловие к русскому изданию книги Виттельса „Фрейд, его личность, учение и школа. Лурия. Психоанализ, как система монистической психологии. Сборник „Психология и марксизм". Ленгиз 1925.

Здесь же следует упомянуть о диспутах на тему о психоанализе в Москве и Одессе в 1925 году.

циозна в своих суждениях и зачастую искажает самые основоположения психоанализа, то помимо формальных возражений на замечания, сделанные этой критикой, психоанализ стремится выяснить также и те скрытые двигательные пружины, которые вносят неоправдываемые логикой страстность и нетерпимость в эту борьбу. Здесь сказывается не только научный скептицизм, недоверчиво относящийся ко всему новому, не только отрицание, основанное на об'ективных данных. Многие критики не дали себе даже труда проверить факты, на основании которых были созданы те или иные положения психоанализа. Те же из них, которые подходили без предвзятости к фактам и наблюдениям, опубликованным психоанализом, неизбежно склонялись в сторону положительной оценки его.

„Наука предполагает холодную, ясную бесстрастность" *). К сожалению, в этом отношении грешат слишком часто и слишком грубо. В научную трактовку проблем вкрадывается национальный шовинизм **), разрешение научных гипотез определяется тенден-

*) Клейст. „Современные течения в психиатрии". Изд. „Врач" Берлин.

**) Таково, например, учение Вольтманна о происхождении всей европейской цивилизации от одной светловолосой германской расы. По поводу этой гипотезы Бумке пишет (Культура и вырождение): „Ее защищали и оспаривали с одинаковой страстностью, и точка зрения каждого отдельного ученого определялась явным образом его собственной принадлежностью той или иной расе".

циями господствующих классов (гонение на дарвинизм в Америке), аффекты берут верх над логикой, и таким образом возникают мифические построения, которые и выдаются за истинную, непреложную, „об'ективную" науку. Выяснению этих движущих аффективных моментов, явившихся первоисточниками отрицательного отношения к психоанализу, посвящена первая статья Фрейда о „Сопротивлении против психоанализа".

Следующие две статьи „Невроз и психоз" и „Утрата реальности при неврозе и психозе" посвящены разработке вопроса о структурных соотношениях и симптоматических феноменах в картинах болезни невроза и психоза. Следует отметить, что в последние годы психоанализ уделяет большое внимание психологическому изучению психозов *). В противовес клинической психиатрии, остающейся по существу описательной, психоанализ стремится выяснить те моменты в динамике, топике и экономике нашего душевного аппарата, которые приводят в одном случае к неврозу, в другом—к психозу. Фрейду удалось в наглядной и схематической форме привести в связь установленное им расчленение душевного аппарата на „Я-идеал", „Я" и „Оно" с обширными группами невротических и психоти-

*) Из работ, посвященных психоаналитическому изучению психозов, здесь могут быть названы: Stärcke. „Psychoanalyse und Psychiatrie" (1921). Schilder. „Entwurf zu einer Psychiatrie auf psychoanalytischer Grundlage (1925).

ческих заболеваний и указать на критерий для классификации их; таким критерием является отношение „Я“ к другим психическим инстанциям и к реальному миру. Конфликт между „Я“ и „Оно“, между влечениями-Я и сексуальными влечениями приводит к неврозу перенесения (истерия, невроз навязчивости); конфликт между „Я“ и „Я-идеалом“ (или „сверх-Я“) приводит к нарцистическому неврозу (маниакально-депрессивный психоз); наконец, конфликт между „Я“ и внешним миром приводит к собственно психозам (шизофрения, начинающаяся часто аментивным состоянием, при котором „Я“ полностью отвращается от внешнего мира, и сопровождающаяся аутизмом). Целый ряд мыслей, послуживших Фрейду основанием для установления такой классификации, содержится в других его работах, к которым мы и отсылаем интересующихся читателей. *)

Статьи „Гибель Эдипова комплекса“ и „Некоторые психические следствия анатомического различия полов“ попутно с основными темами рассматривают и вопрос о кастрационном комплексе, которому психоанализ придает большое значение для психической жизни человека, особенно в период формирования личности. Нужно думать, что статьи эти с интересом будут прочитаны и педагогами и воспитателями, которые нередко прибегают к „невинным“

*) Печаль и меланхолия. Русск. перев. см. в Психол. и психоаналит. библиот. Вып. III. О нарцизме. Там же. Вып. VIII.

угрозам в борьбе с детским онанизмом и ночным недержанием мочи и невольно наносят, таким образом, детской психике травму, которая нередко становится протрагированной. В этих же статьях затрагивается мало освещенный в психоаналитической литературе вопрос об Эдипове комплексе у девочки и о дифференциации мужской и женской психики.

В общем, настоящий сборник статей, написанных Фрейдом в 1924—25 гг., несомненно представит значительный интерес для русского читателя, знакомого с другими, переведенными уже раньше работами Фрейда.

Д-р Я. М. Коган.

Одесса, 29 марта 1926 г.

Сопротивление против психоанализа.

Когда грудной ребенок, находясь на руках у няни, с криком отворачивается от незнакомого лица, когда набожный человек начинает новый день молитвой или благословляет плод, который он впервые вкушает в этом году, когда крестьянин отказывается купить косу, на которой нет одобренной его родителями фабричной марки,—то различие всех этих ситуаций очевидно, и было бы, повидимому, правильно искать отдельный мотив для каждой из них.

Однако, мы не ошибемся, признав, что в них есть нечто общее. Во всех случаях речь идет об одном и том же неудовольствии, которое находит элементарное выражение у ребенка, искусно замаскировано у набожного человека и является мотивом определенного решения у крестьянина. Источником же этого неудовольствия являются те требования, которые пред'являет к душевной жизни новое, та психическая затрата, которой оно требует, та повышенная неуверенность, которую оно приносит с собой и которая может доходит до ожидания, исполненного страха. Было бы

заманчиво сделать эту душевную реакцию на новое предметом особого исследования, так как при некоторых условиях, не являющихся больше примитивными, наблюдается обратное отношение, жажда раздражений, набрасывающаяся на все новое потому только, что оно ново.

В научной области не должно быть места такой боязни нового. В своем вечном несовершенстве и неполноте науке предназначено связывать свое развитие с новыми открытиями и новыми понятиями. Чтобы не быть введеной в заблуждение, она поступает правильно, вооружившись скептицизмом, не принимая ничего нового, не подвергшегося строгой проверке. Но иногда этот скептицизм обнаруживает две неожиданные характерные черты. Он резко ополчается против нового, в то время как он почтительно относится и щадит то, что уже известно и заслужило его доверие, и он довольствуется тем, что отбрасывает новое, еще прежде чем он исследует его. Но тогда он предстает перед нами, как продолжение примитивной реакции на новое, как личина для сохранения ее. Общеизвестно, как часто в истории научного исследования случалось, что открытия встречались сильным и упорным сопротивлением, а дальнейший ход событий показывал затем, что сопротивление не имело никаких оснований, а сделанное открытие было ценно и очень важно. Обычно сопротивление вызывалось некоторыми моментами, связанными с содержанием открытия, а, с другой стороны, должны были проявить свое совместное действие неко-

торые моменты для того, чтобы сделать возможным прорыв примитивной реакции.

Особенно отрицательный прием встретил психоанализ, которому положил начало автор около тридцати лет тому назад в связи с открытиями Жозефа Брейера в Вене относительно возникновения невротических симптомов. Неоспоримо, что психоанализ носит характер новизны, хотя он помимо сделанных открытий переработал обширный материал, известный уже из других источников: результаты учения великого невропатолога Шарко и данные из области гипнотических феноменов. Его значение было первоначально чисто терапевтическим, он хотел создать новое действенное лечение невротических заболеваний; но соотношения, которых сначала нельзя было предвидеть, позволили психоанализу шагнуть далеко за пределы первоначальной цели. Наконец, психоанализ стал претендовать на то, что он вообще перевел наше понимание душевной жизни на новый базис и поэтому важен для всех научных областей, основанных на психологии. После десяти лет полного пренебрежения он стал вдруг предметом всеобщего интереса и вызвал бурю негодующего отрицания.

Я оставляю здесь в стороне вопрос о том, в каких формах нашло себе выражение сопротивление против психоанализа. Достаточно сказать, что борьба за это открытие отнюдь еще не закончена. Тем не менее можно уже сказать, какое направление она примет. Противникам не удалось подавить это движение. Пси-

хоанализ, единственным представителем которого я был двадцать лет тому назад, нашел себе многих выдающихся и неутомимых последователей, врачей и неврачей, которые пользовались им, как методом лечения нервно-больных, как методом психологического исследования и как вспомогательным средством в научной работе в самых разнообразных областях духовной жизни. Нас интересует лишь мотивировка сопротивления против психоанализа, содержание этого сопротивления и особенно различная ценность его компонентов.

Клиническое исследование должно приблизить неврозы к интоксикациям и таким заболеваниям, как Базедова болезнь. Это — состояния, которые возникают вследствие избытка или относительного недостатка определенных весьма активных веществ, независимо от того образуются ли они в самом организме или вводятся извне, т. е. состояния, являющиеся собственно нарушениями химизма, токсикозами. Если бы кому-нибудь удалось выделить и доказать наличие гипотетического вещества или веществ при невротических заболеваниях, то его открытие не вызвало бы протеста со стороны врачей. Но покамест у нас нет такого пути. Мы можем исходить прежде всего только из симптоматической картины невроза, которая слагается в случае, например, истерии из физических и душевных расстройств. Эксперименты Шарко, равно как и наблюдения Брейера учат, что и физические симптомы при истерии психогенны, т. е. являются осадками протекающих душевных процессов. Путем погружения

в гипнотическое состояние можно было по желанию искусственно вызывать соматические симптомы истерии.

Психоанализ воспользовался этим открытием и задался вопросом, какова природа тех психических процессов, которые имеют столь необычные последствия. Но направление этого исследования не отвечало духу современного поколения врачей. Медики были воспитаны в духе исключительно высокой оценки анатомических, физических и химических моментов. К оценке психического они не были подготовлены, т. е. они относились к нему безразлично или отрицательно. Они, очевидно, сомневаются в том, что психические факторы вообще допускают точное научное толкование. В чрезмерной реакции на оставленную позади, отвергнутую фазу, когда в медицине господствовали воззрения так называемой натурфилософии, абстракции подобные тем, с которыми должна оперировать психология, показались им туманными, фантастическими, мистическими; поразительных феноменов, которые должны были бы стать предметом исследования, они просто не признавали. Симптомы истерического невроза считались результатом симуляции, а гипнотические явления надувательством. Даже психиатры, которые неизбежно должны были наблюдать самые необычные и самые удивительные душевные феномены, не проявляли склонности вникать в детали этих феноменов и доискиваться их смысла. Они удовольствовались классификацией разнообразных болезненных проявлений и выводили их там, где была малейшая возможность за что-либо ухватиться, из

соматических, анатомических и химических расстройств. В этот материалистический или, лучше говоря, механистический период медицина сделала колоссальные успехи, но вместе с тем она в близорукости своей проглядела самые важные и самые трудные проблемы жизни.

Понятно, что при такой установке в отношении к психическому медики не нашли ничего хорошего в психоанализе и не захотели исполнить его требование: переоценить многое и видеть некоторые вещи в ином свете. Можно было бы думать, что именно поэтому новое учение встретит одобрение со стороны философов. Ведь они уже привыкли ставить во главу угла своего миропонимания абстрактные понятия (правда, злые языки говорят: неподдающиеся определению понятия), и нельзя было предполагать, чтобы они чинили препятствия расширению области психологии, какое предпринял психоанализ. Но тут возникло другое препятствие. Психическое философов не соответствовало психическому психоанализа. Подавляющее большинство философов называет психическим лишь то, что является феноменом сознания. Для них мир сознательного покрывается об'емом психического. Все остальное, происходящее в трудно постигаемой „душе", они относят к органическим предпосылкам или параллельным процессам психического. Или, точнее говоря, душа не имеет никакого другого содержания кроме феноменов сознания, следовательно и наука о душе, психология, не имеет никакого другого об'екта. Точно так же думает и профан.

Итак, что может сказать философ по поводу учения, которое подобно психоанализу утверждает, что душевное само по себе скорее бессознательно, что сознание является лишь качеством, которое может присоединиться или не присоединиться к отдельному душевному акту и которое иногда ничего не изменяет в нем, если оно не наступает? Разумеется, философ говорит, что бессознательное душевное это—небылица, contradictio in adjecto, и не хочет заметить, что этим суждением он повторяет лишь свое собственное — быть может слишком узкое—определение душевного. Философ легко приобретает уверенность в этом своем суждении, так как он незнаком с материалом, изучение которого заставило аналитика поверить в существование бессознательных душевных актов. Он не принял во внимание гипноза, не занимался толкованием сновидений—он, наоборот, считал, подобно врачу, сновидения бессмысленным продуктом пониженной во время сна душевной деятельности—он едва ли знает о том, что есть такие вещи, как навязчивые представления и бредовые идеи, и был бы весьма смущен, если бы от него потребовали об'яснить их, исходя из его психологических предпосылок. Аналитик тоже не может сказать, что такое бессознательное, но он может указать на область тех проявлений, наблюдение которых заставило его предположить существование бессознательного. Философ, который не знает другого вида наблюдения кроме самонаблюдения, не мог последовать за ним в этом отношении. Таким образом, среднее место, занимае-

мое психоанализом между медициной и философией, оказалось только невыгодным для него. Медик считает его спекулятивной системой и не хочет поверить в то, что он подобно всякой естественной науке, основан на терпеливой и многотрудной обработке фактов из мира восприятий; философ же, измеряющий его масштабом своих собственных искусственно построенных системных образований, считает, что он исходит из несуществующих предпосылок, и упрекает его в том, что его самые основные понятия—находящиеся еще в стадии развития—лишены ясности и точности.

Вышеуказанные соотношения достаточны для того, чтобы об'яснить недоброжелательный и отрицательный прием, встреченный анализом в научных кругах. Но они не об'ясняют тех взрывов негодования, насмешек и оскорблений, того пренебрежения всеми правилами логики и такта, которое имело место в полемике. Такая реакция указывает на то, что здесь возникло не только чисто интеллектуальное сопротивление, что к жизни были вызваны сильные аффективные факторы; и действительно, в содержании психоаналитического учения есть многое, чему следует приписать такое воздействие на страсти всех людей, а не одних только научных работников.

Это—прежде всего то большое значение, которое психоанализ отводит в душевной жизни человека так называемым сексуальным влечениям. Согласно психоаналитической теории, симптомы неврозов являются искаженными заместительными удовлетворениями

сексуальных влечений, которые в силу внутренних сопротивлений не могут получить непосредственного удовлетворения. Впоследствии, когда анализ вышел за пределы той области, в которой он первоначально начал свою работу, и обратился к нормальной душевной жизни, он старался показать, что те же самые сексуальные компоненты, которые могут быть отвлечены от своих ближайших целей и направлены на другие цели, составляют важнейший вклад в культурные достижения индивида и общества. Эти утверждения были не совсем новы. Философ Шопенгауэр в неизгладимых по силе словах отметил ни с чем не сравнимое значение сексуальной жизни; точно также то, что психоанализ называет сексуальностью, отнюдь не покрывается стремлением к соединению разных полов или получением удовольствия от связанной с гениталиями деятельности, а стоит гораздо ближе к всеобъемлющему и всесохраняющему Эросу Платона.

Однако противники забывают об этих знаменитых предшественниках; они нападают на психоанализ так, как если бы он совершил тяжкое покушение на честь рода человеческого. Они упрекали его в „пансексуализме", хотя психоаналитическое учение о влечениях всегда было строго дуалистическим и никогда не упускало случая отметить наряду с сексуальными влечениями существование других влечений, которым оно даже приписывало силу для подавления сексуальных влечений. Сначала противополагались сексуальные влечения и влечения-„Я", которые в дальней-

шем развитии теории превратились в противоположность между эросом и влечением к смерти или разрушению. Указание на участие в искусстве, религии, социальном устройстве — сексуальных влечений было воспринято, как унижение величайших культурных ценностей, и тогда с особенным ударением было провозглашено, что у человека есть еще и другие интересы кроме сексуальных. Но при этом противники психоанализа в усердии своем проглядели, что и у животного есть другие интересы — оно подвержено сексуальности лишь в определенные периоды времени, а не перманентно подобно человеку, — что наличие этих других интересов у человека никогда не оспаривалось и что указание на происхождение из элементарных животных источников не могло понизить ценность культурного приобретения.

Такая нелогичность и несправедливость требуют своего об'яснения. Их основу найти нетрудно. Человеческая культура зиждется на двух началах: на овладении силами природы и на ограничении наших влечений. Скованные рабы несут трон властительницы. Среди побежденных, таким образом, компонентов влечений выделяются силой и дикостью компоненты сексуальных влечений — в более узком смысле. Горе, если бы они были освобождены: трон был бы опрокинут, властительница была бы попрана. Общество знает это и — не хочет, чтоб об этом говорилось.

Но почему же нельзя говорить об этом? Какой вред может принести обсуждение? Психоанализ ни-

когда не замолвил ни одного слова в пользу раскрепощения наших общественно-вредных влечений; наоборот, он предостерегал и призывал к улучшению людей, но общество не хочет слышать ничего об открытии этих соотношений, так как его совесть нечиста во многих направлениях. Во-первых, оно создало высокий идеал нравственности (нравственность — это ограничение влечений), осуществления которого оно требует от каждого из своих членов, не заботясь о том, насколько трудно дается это послушание каждому в отдельности. Но вместе с тем, оно не настолько богато или не настолько хорошо организовано, чтоб оно могло вознаграждать каждого индивида соответственно размерам его отказа от удовлетворения влечений. Таким образом, общество предоставляет индивиду решение вопроса о том, каким путем он может получить достаточную компенсацию за принесенную им жертву, чтобы сохранить душевное равновесие. Но в общем он вынужден психологически жить вне своих возможностей, так как его неудовлетворенные влечения заставляют его ощущать культурные требования, как постоянный гнет. Таким образом, общество поддерживает состояние культурного лицемерия, которому должны быть присущи чувство неуверенности и потребность защитить свою очевидную лабильность запретом критики и дискуссии. Это относится ко всем влечениям, а следовательно, также и к эгоистическим; вопрос о том, насколько это положение применимо ко всем культурам (а не только к развив-

шимся до настоящего времени) не может быть исследован здесь. А в отношении к сексуальным—в более узком смысле—влечениям присоединяется еще то обстоятельство, что у большинства людей они подавлены недостаточно и психологически неправильно, так что они более всех готовы прорваться.

Психоанализ вскрывает слабость этой системы и призывает к изменению ее. Он предлагает ослабить строгость вытеснения влечений и отвести вместо этого больше места правдивости. Некоторые побуждения влечений, в подавлении которых общество зашло слишком далеко, должны быть в большей мере допущены к удовлетворению; при других побуждениях нецелесообразный метод подавления с помощью вытеснения должен быть заменен более удачным и верным методом. Вследствие этой критики психоанализ был воспринят как „враждебное культуре учение“ и предан анафеме „как социальная опасность“. Этому сопротивлению не суждено длиться вечно; ни один человеческий институт не может надолго ускользнуть от влияния справедливого критического рассмотрения, но до настоящего времени установка людей в отношении к психоанализу все еще одержима этим страхом, который разжигает страсти и отбрасывает требование логической аргументации.

Своим учением о влечениях психоанализ оскорбил индивида, поскольку он чувствовал себя сочленом социального общества; другая часть аналитической теории могла оскорбить каждого индивида в наиболее

чувствительном пункте его собственного психического развития. Психоанализ положил конец сказке об асексуальном детстве; он показал, что сексуальные интересы и сексуальная деятельность существуют у маленьких детей с самого начала их жизни; он указал, какие превращения они претерпевают, как они в возрасте приблизительно около пяти лет подлежат задержке, а в период зрелости опять выявляются для обслуживания функции размножения. Психоанализ признал, что сексуальная жизнь раннего детства достигает своего наивысшего развития в так называемом эдиповом комплексе, в эмоциональной привязанности к родителю противоположного пола с сопернической установкой в отношении к родителю своего же пола; это стремление проявляется в этот жизненный период еще без задержек в непосредственном сексуальном желании. В этом настолько легко удостовериться, что действительно нужно большое напряжение сил, чтобы проглядеть его. В действительности каждый индивид проделал эту фазу, но затем энергично вытеснил ее содержание и предал ее забвению. Боязнь инцеста и сильное чувство виновности явились остатками этого индивидуального доисторического периода. Быть может в общем доисторическом периоде рода человеческого дело обстояло таким же образом, и начала нравственности, религии и социального устройства были теснейшим образом связаны с преодолением этого первобытного времени. Ничто не должно напоминать потом взрослому об этом доисто-

рическом периоде, который кажется ему впоследствии столь бесславным; он начинает неистовствовать, когда психоанализ пытается приподнять завесу амнезии с его детских лет. Тогда оставался только один выход: все, что утверждает психоанализ, ложно, и эта новая якобы наука является хитросплетением, состоящим из фантазий и искажений.

Таким образом, сопротивления против психоанализа были не интеллектуальной природы, а проистекали из аффективных источников. Этим об'ясняется их страстность и их логическая недостаточность. Эта ситуация укладывается в простую формулу: люди в массе относятся к психоанализу так, как к нему относится в отдельности невротик, который лечится по поводу своих расстройств и которому с помощью терпеливой работы удалось показать, что все произошло именно так, как утверждал психоанализ. Ведь психоанализ не сам выдумал это, а узнал это при изучении других невротиков в течение нескольких десятилетий.

В этой ситуации есть одновременно и нечто пугающее и нечто утешительное, первое — потому, что иметь в качестве пациента весь род людской это не шутка; второе — потому, что в конце-концов все произошло именно так, как оно должно было случиться согласно предположениям психоанализа.

Если бросить еще раз взгляд на вышеописанные сопротивления против психоанализа, то нужно сказать, что лишь небольшая часть их имеет характер сопро-

тивления, которое обычно возникает против большинства научных новшеств, имеющих некоторое значение. Большая часть их проистекает от того, что сильные чувства человечества были оскорблены содержанием учения. То же самое испытала Дарвиновская теория происхождения, разрушившая созданную высокомерием стену, которая отделяла человека от животного. Я указал на эту аналогию в одной короткой статье („Трудность на пути психоанализа") *). Я указал там, что психоаналитическое учение о соотношении между сознательным „Я" и гораздо более сильным бессознательным означало тяжелый удар человеческому самолюбию, который я назвал психологическим и присоединил к биологическому удару, нанесенному учением о происхождении человека и к более раннему космологическому, нанесенному открытием Коперника.

Чисто внешние трудности способствовали усилению сопротивления против психоанализа. Не легко получить свое собственное суждение в вопросах анализа, если не испытать его на самом себе и на других. Последнее невозможно без знания определенной, весьма трудной техники, а до последнего времени изучение психоанализа и его техники было недоступно. В настоящее время положение дел изменилось к лучшему благодаря основанию Берлинской Психоаналитической Поликлиники и Института (1920). Вскоре

* Русск. перв. см. Психолог. и психоаналит. библиотека, Вып. III. Москва—Петроград. Госиздат 1923, стр. 191.

после этого (1923) в Вене был призван к жизни подобный же Институт.

Наконец, автор должен в очень сдержанной форме поставить вопрос о том, не способствовало ли отрицательному отношению к психоанализу то обстоятельство, что сам он был евреем, который никогда не скрывал своего еврейского происхождения. Аргументы подобного рода высказываются вслух лишь в очень редких случаях; к сожалению, мы стали настолько недоверчивы, что мы вынуждены предположить, что это обстоятельство не осталось без влияния. Быть может, не простая случайность, что первый представитель психоанализа был евреем. Для того, чтобы приобщиться к психоанализу, нужна была порядочная степень готовности примириться с участью одиночества в оппозиции, с участью, которая еврею ближе, чем кому-нибудь другому.

Невроз и психоз.

В моей недавно вышедшей в свет работе „Я и Оно“*) я указал на расчленение душевного аппарата; на основе этого расчленения можно в простой и наглядной форме изложить целый ряд соотношений. В других пунктах, касающихся, например, происхождения и роли „сверх-Я“, остается еще много неясного и неисчерпанного. Можно потребовать, чтобы такое построение оказалось применимым к другим вопросам и способствовало разрешению их даже в том случае, если бы речь шла только о том, чтобы рассмотреть уже известное в новом понимании, иначе сгруппировать его и описать в более убедительной форме. С таким применением мог бы быть также связан выгодный возврат от седой теории к вечно юному опыту.

В вышеуказанной работе описаны многочисленные зависимости „Я“, его посредническая роль между внешним миром и „Оно“ и его стремление угодить одновременно всем своим господам. В связи с возникшим, с другой стороны, ходом мыслей, обсуждавшим возникновение и предупреждение психозов,

*) См. русск. перевод в изд. „Academia“. Ленинград 1924.

я получил в результате простую формулу, выражающую, пожалуй, самую важную генетическую разницу между неврозом и психозом: невроз является конфликтом между „Я“ и „Оно“, психоз же является аналогичным исходом такого нарушения во взаимоотношениях между „Я“ и внешним миром.

Конечно, мы поступим правильно, отнесясь недоверчиво к такому простому разрешению проблемы. Точно также наше ожидание идет не дальше того, что эта формула, в лучшем случае, окажется верной лишь в самых грубых чертах. Но и это было бы уже кое-каким достижением. Мы тотчас же вспоминаем о целом ряде взглядов и открытий, подкрепляющих, повидимому, наше положение. Согласно данным всех наших анализов неврозы перенесения возникают благодаря тому, что „Я“ не хочет воспринять мощного побуждения влечений, существующих в „Оно“, и не хочет оказать содействия моторному отреагированию этого побуждения, или же это побуждение неприемлемо для об‘екта, который оно имеет в виду. „Я“ защищается от него с помощью механизма вытеснения; вытесненное восстает против своей участи и, пользуясь путями, над которыми „Я“ не имеет никакой власти, создает себе заместительное образование, которое навязывается „Я“ путем компромисса, т. е. симптом. „Я“ находит, что этот непрошенный гость угрожает и нарушает его единство, продолжает борьбу против симптома подобно тому, как оно защищалось от первоначального по-

буждения влечений, и все это дает в результате картину невроза. Возражением этому не может служить указание на то, что „Я", предпринимая вытеснение, следует в сущности велениям своего „сверх-Я", происходящим опять-таки из таких влияний реального внешнего мира, которые нашли свое представительство в „сверх-Я" Однако, при этом получается, что „Я" было на стороне этих сил, что их требования были в „Я" сильнее требований влечений, присущих „Оно", и что „Я" является той силой, которая осуществляет вытеснение соответствующей части „Оно" и укрепляет противоактивность (Gegenbesetzung) сопротивления. Обслуживая „сверх-Я" и реальность, „Я" попало в конфликт с „Оно"; таково положение вещей при всех неврозах перенесения.

С другой стороны, нам так же легко будет, следуя существующему у нас до настоящего времени взгляду на механизм психозов, привести примеры, указывающие на нарушение соотношений между „Я" и внешним миром. При аменции Мейнерта, острой галлюцинаторной спутанности, самой крайней, пожалуй, и самой яркой форме психоза, внешний мир либо вовсе не воспринимается, либо восприятие его остается без всякого действия. В нормальном случае внешний мир господствует над „Я" двумя путями: во-первых, путем все новых и новых, по возможности, актуальных восприятий, во-вторых, путем сокровищницы воспоминаний прежних восприятий, образующих в виде „внутреннего мира" собственность и составную часть

„Я“. При аменции становится невозможным не только получение внешних восприятий; внутренний мир, являвшийся до сих пор заместителем внешнего мира в виде отображения его, лишается своего значения (активности); „Я“ создает себе совершенно независимо новый внешний и внутренний мир, и два факта указывают с несомненностью на то, что этот новый мир построен в духе желаний, исходящих от „Оно“, и что тяжелый, оказывающийся невыносимым отказ от желаний, связанных с реальностью, является мотивом этого разрыва с внешним миром. Нельзя не заметить внутреннего родства этого психоза с нормальным сновидением. Но условием для сновидения является состояние сна, к характерным чертам которого относится полный уход от восприятия и от внешнего мира.

О других формах психозов, о шизофрениях, известно, что они имеют исходом аффективную тупость, т. е. они приводят к отказу от участия во внешнем мире. Относительно генезиса бредовых образований некоторые анализы показали нам, что мы находим бред в виде заплаты, наложенной на том месте, где первоначально возник надрыв в отношениях „Я“ к внешнему миру. Если существование конфликта с внешним миром не бросается в глаза гораздо больше, чем мы это знаем в настоящее время, то это имеет свое основание в том факте, что в картине болезни психоза проявления патогенного процесса часто покрываются проявлениями попытки к излечению или к реконструкции.

Общим этиологическим условием для прорыва психоневроза или психоза остается всегда отказ, неисполнение одного из тех непреодолимых желаний детства, которые коренятся так глубоко в нашей филогенетически определенной организации. В конечном итоге этот отказ всегда внешний, в отдельном случае он может исходить от той внутренней инстанции, которая взяла на себя защиту требований реальности. Патогенный эффект зависит от того, остается ли „Я" при таком конфликтном разногласии верным своей зависимости от внешнего мира и пытается ли „Я" заглушить „Оно", или же „Оно" побеждает „Я" и отрывает его таким образом от реальности. Но это простое на первый взгляд положение вещей усложняется существованием „сверх-Я", об'единяющего в себе в какой-то еще неразгаданной связи влияния, исходящие из „Оно" и из внешнего мира, являющегося до некоторой степени идеальным прототипом того, на что направлены все стремления „Я", т. е. на освобождение его от многочисленных зависимостей. При всех формах психического заболевания нужно было бы принять во внимание поведение „сверх-Я", что до настоящего времени не имело места. Но мы можем a priori постулировать, что оно тоже должно давать болезненные раздражения, в основе которых лежит конфликт между „Я" и „сверх-Я". Анализ дает нам право предположить, что меланхолия является типичным примером этой группы, и мы обозначаем такие нарушения термином „нарцистические неврозы". Найдя мотивы для обо-

собления таких состояний, как меланхолия, от других психозов, мы не пойдем в разрез с нашими впечатлениями. Но тогда мы замечаем, что мы можем дополнить нашу простую генетическую формулу, не отказываясь от нее. Невроз перенесения соответствует конфликту между „Я“ и „Оно“, нарцистический невроз—конфликту между „Я“ и „сверх-Я“, а психоз—конфликту между „Я“ и внешним миром. Конечно, мы наперед не можем сказать, действительно ли мы получили нечто новое или же мы только увеличили число наших формул, но я полагаю, что возможность применения этой формулы должна дать нам все-таки смелость проследить дальше предложенное подразделение душевного аппарата на „Я“, „сверх-Я“ и „Оно“.

Утверждение, что неврозы и психозы возникают вследствие конфликта „Я“ с различными господствующими инстанциями, т. е. что они соответствуют недочету в функции „Я“ (а недочет этот сказывается в стремлении примирить все эти различные требования)—утверждение это должно быть дополнено другим рассуждением. Желательно было бы знать, при каких обстоятельствах и какими путями „Я“ удается избегнуть заболевания при таких всегда, разумеется, существующих конфликтах. Это—новая область для исследования, в которой должны быть, конечно, приняты во внимание самые разнообразные факторы. Однако, два момента могут быть тотчас же отмечены. Исход таких ситуаций будет несомненно зависеть от экономических соотношений, от относительной величины

борющихся друг с другом стремлений. И далее: „Я“ сможет избежать прорыва в каком-нибудь месте благодаря тому, что оно само деформирует себя, наносит ущерб своему единству. Благодаря этому непоследовательность, странность, глупость людей выступают в таком же свете, как и сексуальные их перверзии.

В заключение следует поставить вопрос о том, каков может быть аналогичный вытеснению механизм, с помощью которого „Я“ освобождается от внешнего мира. Я полагаю, что на этот вопрос невозможно ответить без нового исследования, но содержанием его, как и вытеснения, должно быть отнятие исходящей от „Я“ активности.

Утрата реальности при неврозе и психозе.

Я указал в предыдущей статье*) на одну из отличительных черт между неврозом и психозом: при неврозе „Я", находясь в зависимости от реальности, подавляет часть „Оно" (часть влечений), в то время как то же самое „Я" при психозе частично отказывается в угоду „Оно" от реальности. Таким образом, для невроза решающим является перевес влияния реальности, для психоза же — перевес „Оно". Утрата реальности кажется как бы с самого начала данной для психоза; можно было бы думать, что при неврозе удается избежать этой утраты реальности.

Однако, это совершенно не согласуется с наблюдением, которое все мы можем сделать, что каждый невроз каким-либо образом нарушает отношение больного к реальности, что невроз является для него средством отказа от реальности и в тяжелых случаях означает прямо-таки бегство из реальной жизни. Это противоречие наводит на размышление, однако, оно легко может быть устранено, и об'яснение его будет способствовать лишь нашему пониманию невроза.

*) Невроз и психоз.

Это противоречие существует лишь до тех пор, пока мы принимаем во внимание исходную ситуацию невроза, в которой „Я" предпринимает в угоду реальности вытеснение влечения. Но это—еще не самый невроз. Последний состоит из процессов, вознаграждающих потерпевшую часть „Оно", следовательно, из реакции на вытеснение и из неудачи вытеснения. Недостаточное отношение к реальности является следствием этого второго шага в образовании невроза, и мы не должны быть удивлены, если детальное исследование покажет, что утрата реальности касается той именно части реальности, по требованию которой было произведено вытеснение влечения.

Характеристика невроза, как следствия неудавшегося вытеснения, не является чем-то новым. Мы всегда говорили это, и только вследствие новой связи появилась необходимость повторить то же самое.

Впрочем, то же самое сомнение возникает в особенно сильной форме, если речь идет о случае невроза, в котором известен повод („травматическая сцена") и в котором можно видеть, как человек отвращается от такого переживания и предает его амнезии. Для примера я приведу много лет тому назад анализированный мною случай*), в котором девушка, влюбленная в своего шурина, была потрясена у смертного одра своей сестры мыслью: „Теперь он свободен и может на тебе жениться". Эта сцена была

*) „Studien über Hysterie", 1895. (Собр. сочинений, Т. I.).

тотчас забыта, и, таким образом, был начат процесс регрессии, который привел к истерическим болям. Но именно в данном случае поучительно посмотреть, каким путем невроз пытается исчерпать конфликт. Он обесценивает реальное изменение, вытесняя притязание влечения, о котором идет речь, т. е. любовь к шурину. Психотическая реакция заключалась бы в отрицании факта смерти сестры.

Можно было бы ожидать, что при возникновении психоза происходит нечто аналогичное процессу при неврозе, разумеется, в пределах других инстанций, т. е., что и при психозе ясно отмечаются два момента, из которых первый отрывает на этот раз „Я“ от реальности, а второй хочет поправить дело и воссоздает отношение к реальности за счет „Оно“. И действительно, также и при психозе можно наблюдать нечто аналогичное; и здесь можно наблюдать два момента, из которых второй имеет характер репарации (восстановления), но аналогия эта далеко не соответствует глубокой равнозначности этих процессов. Второй момент в психозе тоже стремится к вознаграждению за утрату реальности, но не за счет ограничения „Оно“ (подобно тому как при неврозе процесс этот происходит за счет реального соотношения), а другим, гораздо более независимым путем: созданием новой реальности, в которой больше нет уже причин, содержавшихся в покинутой реальности. Таким образом, второй момент как при неврозе, так и при психозе движется одними и теми же тенденциями, он

служит в обоих случаях властолюбивым домогательствам „Оно", которое не хочет покориться реальности. Следовательно, как невроз, так и психоз являются выражением возмущения „Оно" против внешнего мира, выражением его неудовольствия или, если угодно, его неспособности приспособиться к реальной необходимости, к Ἀνάγκη. Невроз и психоз отличаются друг от друга гораздо больше в первой, начальной реакции, нежели в следующей за ней попытке восстановления.

Первоначальное отличие получает в конечном результате свое выражение в том виде, что при неврозе часть реальности избегается на некоторое время, при психозе же она перестраивается. Или, при психозе за первоначальным бегством следует активная фаза перестройки, при неврозе же после первоначальной покорности следует запоздалая попытка к бегству. Или еще иначе: невроз не отрицает реальности, он не хочет только ничего знать о ней; психоз же отрицает ее и пытается заменить ее. Нормальным или „здоровым" мы называем такое отношение, которое об'единяет определенные черты обеих реакций, которое так же мало отрицает реальность, как и невроз, но которое так же стремится изменить ее, как и психоз. Это целесообразное, нормальное отношение ведет, конечно, к внешне проявляющейся работе над внешним миром и не удовлетворяется, как при психозе, созданием внутренних изменений; это отношение больше не аутопластично, оно аллопластично.

Переработка реальности при психозе происходит на основе психических осадков из существовавших до настоящего времени отношений к реальности, следовательно, на основе следов воспоминаний, представлений и суждений, которые были до настоящего времени получены от нее и при помощи которых она была представлена в душевной жизни. Но это отношение никогда не было законченным, оно беспрерывно обогащалось и изменялось новыми восприятиями. Таким образом, и для психоза возникла задача создать себе такие восприятия, которые соответствовали бы новой реальности, что достигается основательнее всего путем галлюцинаций. Если обманы воспоминания, бредовые образования и галлюцинации имеют при очень многих формах и случаях психоза мучительнейший характер и связаны с развитием страха, то это является, конечно, признаком того, что весь процесс преобразования протекает при наличии интенсивно противодействующих сил. Этот процесс следует конструировать по образцу невроза, который известен нам лучше. Здесь мы видим, что реакция в виде страха наступает всякий раз в том случае, когда вытесненное влечение делает попытку пробиться, и что результат конфликта является все же лишь компромиссом, при том компромиссом несовершенным в качестве удовлетворения. По всей вероятности, при психозе отвергнутая часть реальности опять стремится пробиться в душевную жизнь, подобно вытесненному влечению при неврозе, а потому и следствия в обоих случаях одинаковы.

Обсуждение различных механизмов, с помощью которых при психозах осуществляется отчуждение от реальности и новое воссоздание ее, равно как и учет результата, которого они могут достигнуть, является задачей частной психиатрии, к которой последняя еще не приступила.

Следовательно, дальнейшая аналогия между неврозом и психозом заключается в том, что в обоих случаях частично не удается разрешение задачи, которая должна быть осуществлена вторым моментом, так как вытесненное влечение не может создать себе полного замещения (невроз) и замещение реальности не может вылиться в удовлетворительные формы (по крайней мере, не при всех формах психических заболеваний.) Но ударение в двух этих случаях падает на совершенно различные моменты. При психозе ударение падает на первый момент, который сам по себе болезнен и может повести только к состоянию болезни, при неврозе же ударение падает, наоборот, на второй момент, на неудачу вытеснения, в то время как первый момент может удаться и действительно удается бесчисленное множество раз в рамках здоровья, хотя это происходит и не совсем безнаказанно и не без признаков необходимой при этом психической затраты. Эти отличия, а может быть и многие другие, являются следствиями топической разницы в исходной ситуации патогенного конфликта: уступило ли в нем „Я“ своей приверженности к реальному миру или своей зависимости от „Оно“.

Невроз, как правило, довольствуется тем, что он избегает соответствующей части реальности и предох-

ранает себя от столкновения с ней. Однако, резкое различие между неврозом и психозом смягчается тем, что и при неврозе нет недостатка в попытках заменить нежелательную реальность другой, более желательной. Эту возможность дает существование фантастического мира, области, которая в свое время, при вступлении в права принципа реальности, была обособлена от внешнего мира, которая была освобождена, как бы „пощажена" от претензий жизненной необходимости и которая не недоступна для „Я", а недостаточно связана с ним. Из этого мира фантазии невроз заимствует материал для своих новообразованных желаний и находит его там обычно с помощью регрессии в более удовлетворяющую реальную предварительную стадию.

Едва ли можно сомневаться, что мир фантазии играет при психозе ту же самую роль, что он и в данном случае играет роль кладовой, откуда психоз черпает материал или образцы для построения новой реальности. Но этот новый фантастический внешний мир психоза стремится занять место внешней реальности; в противоположность неврозу он охотно опирается, подобно детской игре, на часть реальности (это не та часть, от которой он должен защищаться), придает ей особое значение и тайный смысл, который мы—не всегда правильно—называем символическим. Таким образом, как при неврозе, так и при психозе должен быть принят во внимание не только вопрос об утрате реальности, но и вопрос о замещении реальности.

Гибель эдипова комплекса.

Все больше и больше открывается значение эдипова комплекса, как центрального феномена сексуального периода, относящегося к раннему детству. Затем он погибает, он подлежит, как мы говорим, вытеснению, и за ним наступает латентный период. Но до сих пор еще неясно, отчего он погибает; анализы как будто учат: от наступающих болезненных разочарований. Маленькая девочка, которая считает себя любимицей, предпочитаемой отцом, должна пережить однажды строгое наказание, наложенное отцом, и чувствует себя сброшенной с небес. Мальчик, рассматривавший мать, как свою собственность, узнает однажды, что она лишает его любви и заботливости, направляя их на нового пришельца. Размышление углубляет ценность этих моментов, подчеркивая, что такие мучительные открытия, противоречащие содержанию комплекса, неизбежны. Даже в тех случаях, где не имеют места особые события, подобные вышеприведенным примерам, отсутствие ожидаемого удовлетворения, постоянный отказ в желанном ребенке должны привести к тому, что маленький влюбленный отворачивается от своей безна-

дежной склонности. Таким образом, эдипов комплекс погибает из-за своей неудачи, в результате своей внутренней невозможности.

Согласно другому взгляду эдипов комплекс должен погибнуть, так как наступило время для его распада, подобно тому, как выпадают молочные зубы, когда вырастают постоянные. Если эдипов комплекс и переживается индивидуально большинством людей, то он является тем не менее предопределенным наследственностью, ею заложенным феноменом, который должен сообразно с законами развития исчезнуть, когда наступает ближайшая, заранее предопределенная фаза развития. Тогда абсолютно безразлично, в силу каких причин это происходит и можно ли вообще найти эти причины.

Нельзя отрицать того, что каждый из этих взглядов по-своему справедлив; однако, они не исключают друг друга; наряду с более глубоким филогенетическим взглядом остается место и для онтогенетического. Ведь индивиду в целом предназначено уже при рождении умереть, и быть может его органическое предрасположение уже содержит в себе указание, отчего он должен умереть. Однако, не лишено интереса проследить, как осуществляется эта привнесенная закономерность и каким образом предрасположение используется случайными вредными моментами.

Мы недавно разбирались подробно в вопросе о том, что сексуальное развитие ребенка прогрессирует до фазы, в которой гениталии принимают на себя уже

руководящую роль. Но эти гениталии являются исключительно мужскими, точнее говоря, это—penis; женские гениталии остаются неоткрытыми. Эта фаллическая фаза, являющаяся одновременно фазой эдипова комплекса, не развивается дальше в окончательную генитальную организацию; она угасает и сменяется латентным периодом. Но окончание ее совершается типичным образом и опирается на регулярно повторяющиеся события.

Если ребенок (мужского пола) заинтересовался своими гениталиями, то он проявляет это также и путем многократных манипуляций над ними и узнает затем, что взрослые не согласны с этими его действиями. Более или менее отчетливо, более или менее грубо высказывается угроза, что его лишат этой столь высоко ценимой им части. В большинстве случаев угроза кастрации исходит от женщин, часто они пытаются подкрепить свой авторитет тем, что они ссылаются на отца или на доктора, который осуществит это наказание согласно их заявлению. В целом ряде случаев женщины предпринимают символическое смягчение этой угрозы, заявляя о том, что будут устранены не пассивные собственно гениталии, а активно грешащая рука. Особенно часто случается, что ребенок подвергается угрозе кастрации не потому, что он играет своим penis'ом при помощи руки, а за то, что он каждую ночь мочит свою постель и ведет себя неопрятно. Воспитатели ведут себя так, как если бы ночное недержание мочи являлось следствием и доказательством слишком усердного манипулирования над penis'ом,

и в этом они, конечно, правы. Во всяком случае длительное недержание мочи по ночам равнозначно поллюции взрослого и является выражением того же генитального возбуждения, которое вынуждает в это время ребенка к мастурбации.

Мы утверждаем, что фаллическая генитальная организация ребенка гибнет от этой угрозы кастрации. Конечно, не тотчас и не бесследно, так как ребенок прежде всего не придает веры этой угрозе и не становится послушным. Психоанализ придал новую ценность двоякого рода событиям, которые не отсутствуют ни у одного ребенка и которые должны подготовить его к утрате высоко оцениваемых им частей тела; это—первоначально временное, а впоследствии окончательное отнятие от материнской груди и ежедневно совершаемое выделение содержимого кишечника. Однако нельзя заметить, чтобы эти события были приведены в связь с угрозой кастрации. Лишь после того, как будет сделано новое наблюдение, ребенок начинает считаться с возможностью кастрации, но он делает это медленно, неохотно и не без стремления преуменьшить значение собственного наблюдения.

Этим наблюдением, разрушающим, наконец, неверие ребенка, являются женские гениталии. Гордый обладанием penis'а ребенок получает когда-нибудь возможность увидеть генитальную область маленькой девочки и убеждается в отсутствии penis'а у столь подобного ему существа. Этим самым для него становится возможным представить себе утрату и своего собственного penis'а;

угроза кастрации начинает оказывать свое запоздалое действие.

Мы не должны быть столь близоруки, как воспитатели, угрожающие кастрацией, и не должны проглядеть, что сексуальная жизнь ребенка в этом периоде отнюдь не исчерпывается мастурбацией. Можно доказать, что у него существует в отношении к родителям эдиповская установка; мастурбация является лишь генитальным отреагированием относящегося к этому комплексу сексуального возбуждения и этому отношению она обязана своим значением для всех позднейших периодов. Эдипов комплекс дает ребенку две возможности удовлетворения, активную и пассивную. Он может, как мужчина, поставить себя на место отца и относиться, как последний, к матери, при чем отец учитывается тогда, как стоящее на его пути препятствие, или же он стремится заменить мать и быть любимым отцом, при чем мать становится излишней. В чем состоит удовлетворяющее любовное отношение, об этом ребенок имеет лишь очень неясные представления; но, разумеется, penis играет при этом определенную роль, так как об этом свидетельствуют его ощущения со стороны органов. Для сомнения в наличии penis'a у женщины не было еще никакого повода. Предположение о возможности кастрации, представление, что женщина кастрирована, кладет конец обеим возможностям удовлетворения, вытекающим из эдипова комплекса. Ведь обе они приносят с собой утрату penis'a: одна, мужская, как результат наказания, другая, женская, как

предпосылка. Если удовлетворение, связанное с эдиповым комплексом, должно быть куплено ценою утраты penis'a, то дело должно дойти до конфликта между нарцистическим отношением к этой части тела и либидинозной привязанностью к родительским об'ектам. В этом конфликте в нормальном случае побеждает первая сила; „Я" ребенка отвращается от эдипова комплекса.

Я показал в другом месте, каким образом это осуществляется. Происходит отказ от об'ектных привязанностей, заменяющихся идентификацией. Интроецированный в „Я" отцовский или родительский авторитет образует там ядро „сверх-Я", которое заимствует строгость отца, подтверждает исходящий от него запрет инцеста и таким образом обеспечивает „Я" от возврата либидинозной об'ектной привязанности. Связанные с эдиповым комплексом либидинозные стремления частью десексуализируются и сублимируются, что, вероятно, имеет место при каждом превращении в идентификацию, частью же они становятся заторможенными в смысле достижения цели и превращаются в нежные побуждения. Весь этот процесс, с одной стороны, спас гениталии, предотвратил от них опасность утраты, с другой же стороны, он парализовал их, упразднил их функцию. Этим процессом начинается латентный период, прерывающий сексуальное развитие ребенка.

Я не вижу никаких оснований для того, чтобы отказать отчуждению „Я" от эдипова комплекса в названии „вытеснение", хотя более поздние вытесне-

ния осуществляются при участии „сверх-Я“, которое лишь теперь образуется. Однако, описанный процесс является чем-то большим, нежели вытеснение; в случае идеального осуществления он равнозначен разрушению и упразднению комплекса. Мы можем очевидно предположить, что мы наткнулись здесь на границу между нормальным и патологическим, которая никогда не бывает резко выражена. Если „Я“ на самом деле не добилось ничего кроме вытеснения комплекса, то последний продолжает бессознательно существовать в „Оно“ и впоследствии обнаружит свое патогенное влияние.

Аналитическое наблюдение дает нам возможность узнать или обнаружить такие соотношения между фаллической организацией, эдиповым комплексом, угрозой кастрации, образованием „сверх-Я“ и латентным периодом. Эти соотношения оправдывают положение, что эдипов комплекс погибает вследствие угрозы кастрации. Но этим проблема не исчерпывается; остается место для теоретической спекуляции, которая может опровергнуть добытый результат или представить его в новом свете. Но прежде, чем мы вступим на этот путь, мы должны обратиться к вопросу, который возникал во время наших настоящих рассуждений и который мы так долго оставляли в стороне. Описанный процесс распространяется, как было подчеркнуто, только на ребенка мужского пола. Как осуществляется соответствующее развитие у маленькой девочки?

Наш материал оказывается в данном случае—непонятным образом—гораздо более неясным и неполным.

У лиц женского пола тоже существует эдипов комплекс, „сверх-Я“ и латентный период. Можно ли приписать также и им фаллическую организацию и кастрационный комплекс? На это следует ответить утвердительно, но у девочки дело не может обстоять так, как оно обстоит у мальчика. Феминистическое требование равноправия полов не будет иметь в данном случае успеха, морфологическая разница должна проявиться в отличиях психического развития. Варьируя выражение Наполеона, можно сказать: анатомия—это судьба. Клитор девочки аналогичен penis'у, но ребенок, сравнивая себя со сверстником мужского пола находит, что „он слишком мал“, и ощущает этот факт, как нечто неприятное для себя, как основу для малоценности. В течение некоторого времени девочка утешает еще себя ожиданием, что, когда она подрастет, у нее будет такой же большой придаток, как и у мальчика. Здесь ответвляется присущий женщине комплекс мужественности. Но ребенок женского пола учитывает свой актуальный дефект не как половой характер, а об'ясняет его тем, что некогда раньше он обладал таким же большим членом и затем потерял его благодаря кастрации. Он не распространяет этого вывода с себя на других, взрослых женщин, а предполагает, совсем в духе фаллической фазы, наличие у них больших и неповрежденных, т. е. мужских гениталий. В результате получается, таким образом, существенное отличие, которое заключается в том, что девочка считает кастрацию совершившимся фактом, в то время как мальчик боится возможности ее осуществления.

С устранением страха кастрации отпадает и весьма веский мотив для образования „сверх-Я" и для прекращения инфантильной генитальной организации. Эти изменения являются—гораздо больше чем у мальчиков—результатом воспитания, внешнего запугивания, угрожающего утратой (родительской) любви. Эдипов комплекс девочки является гораздо более односторонним, нежели эдипов комплекс маленького обладателя penis'a; согласно моему опыту он лишь в редких случаях выходит за пределы желания занять место матери и женской установки в отношении к отцу. Отказ от penis'a происходит не без попытки вознаграждения себя. Девочка переходит—можно было бы сказать: символическим путем—от penis'a к ребенку, ее эдипов комплекс возвышается до сохраняющегося в течение долгого времени желания получить в подарок от отца ребенка, родить ему ребенка. Получается такое впечатление, что девочка расстается очень медленно с эдиповым комплексом, так как это желание никогда не осуществляется. Оба эти желания, относительно обладания penis'ом и получения ребенка продолжают существовать в бессознательном, сохраняя большую активность, и способствуют подготовке женского существа к позднейшей половой роли. Незначительное участие садистического компонента в сексуальном влечении (что следует, конечно, поставить в связь с утратой penis'a) облегчает превращение непосредственных сексуальных стремлений в нежные, заторможенные в смысле достижения цели стремления. Но

в общем следует признать, что наши знания относительно процессов этого развития у девочки неудовлетворительны, неполны и призрачны.

Я не сомневаюсь в том, что описанные здесь временные и каузальные соотношения между эдиповым комплексом, сексуальным запугиванием (угроза кастрации), образованием „сверх-Я“ и наступлением латентного периода—типичны; но я не собираюсь утверждать, что этот тип является единственно возможным. Изменения в хронологичности и последовательности этих процессов должны иметь величайшее значение для развития индивидуума.

Со времени опубликования О. Ранком интересной работы о „Травме рождения“*) результат этого небольшого исследования, гласящий, что эдипов комплекс погибает вследствие страха кастрации, не может быть принят без дальнейшей дискуссии. Но мне кажется преждевременным вдаваться в настоящее время в эту дискуссию, и я считаю даже нецелесообразным начать здесь критику или оценку взглядов Ранка.

---

*) O. Rank. Das Trauma der Geburt und seine Bedeutung für die Psychoanalyse. 1924.

Некоторые психические следствия анатомического различия полов.

Мои работы и работы моих учеников выставляют с все большей категоричностью требование, чтобы анализ невротиков проникал также и в первый период детства, в период раннего расцвета сексуальной жизни. Лишь исследовав первые проявления привнесенной конституции влечений и явления самых ранних жизненных впечатлений, можно правильно постичь движущие силы наступившего впоследствии невроза и обеспечить себя от ошибок, совершению которых могут способствовать преобразования и наслоения периода зрелости. Это требование имеет не только теоретическое значение, но оно важно также и в практическом отношении, так как оно отграничивает наши старания от работы таких врачей, которые имея только терапевтическую ориентировку, прибегают во время лечения на некоторое время к аналитическим методам. Такой анализ раннего периода продолжителен, труден и пред'являет к врачу и пациенту требования, осуществлению которых практика не всегда идет навстречу. Он приводит далее к таким неясностям, для которых у нас еще нет путеводных

вех. Я полагаю даже, что можно заверить аналитиков в том, что их работе в ближайшие десятилетия не угрожает опасность стать механизированной и вследствие этого неинтересной.

В нижеследующем я сообщаю результат аналитического исследования, который был бы весьма важным, если бы можно было доказать, что он может быть обобщен. Почему я не откладываю этого сообщения до тех пор, покуда более богатый опыт не даст мне этого доказательства, если оно вообще может быть приведено? Потому что в условиях моей работы произошло изменение, последствий которого я не могу отрицать. Я раньше не принадлежал к числу тех лиц, которые не могут хранить у себя предполагаемое открытие в течение некоторого времени до тех пор, покуда оно не найдет себе подтверждения или оправдания. „Толкование сновидений“ и „Bruchstück einer Hysterieanalyse“ (случай Доры) лежали у меня, если и не в течение девяти лет по рецепту Горация, то во всяком случае в течение четырех-пяти лет, прежде чем я их опубликовал. Но тогда у меня впереди было много времени—oceans of time, как говорит поэт—и материал был у меня в таком изобилии, что я с трудом мог справиться с ним. Кроме того, я был единственным работником в этой области, и то обстоятельство, что я не опубликовывал своих исследований, не грозило никакой опасностью мне и не приносило никакого вреда другим.

Теперь обстоятельства изменились. Мое время ограничено, я не могу больше использовать его целиком

для работы, следовательно, у меня нет уже столь благоприятных условий для обогащения своего опыта. Если я предполагаю, что я открыл нечто новое, то у меня нет уверенности в том, что я смогу дождаться подтверждения его. Все, что находилось на поверхности, уже исчерпано, остальное должно быть добыто с помощью медленных усилий из глубины. Наконец, я больше не один: группа усердных соработников готова использовать даже незаконченные, недостаточно обоснованные познания, и я могу оставить им ту часть работы, о которой я в противном случае должен был бы позаботиться сам. Итак, я чувствую себя вправе сообщить на этот раз нечто такое, что настойчиво требует проверки, прежде чем будет признана его ценность или никчемность.

Исследуя первые психические образования сексуальной жизни у ребенка, мы берем обычно в качестве об'екта ребенка мужского пола, маленького мальчика. Мы полагали, что у маленькой девочки дело должно обстоять аналогичным образом, но все же как-то иначе. В каком пункте развития следует искать этой разницы —это с определенностью установлено не было.

Ситуация эдипова комплекса является первым этапом, который мы с уверенностью распознаем у мальчика. Он нам легко понятен, так как в нем мальчик фиксируется на том самом об'екте, к которому он в предшествующих периодах младенчества и ухода был уже привязан с помощью своего либидо, не имевшего еще генитального характера. Тот факт, что он учиты-

вает при этом личность отца, как стоящего на его пути соперника, которого он хочет устранить и место которого он хочет занять, вытекает непосредственно из реальных соотношений. В другом месте*) я показал, что эдиповская установка мальчика относится к фаллической фазе и погибает вследствие страха кастрации, т. е. вследствие нарцистического отношения к гениталиям. Трудность понимания вытекает из того усложняющего обстоятельства, что самый эдипов комплекс у мальчика имеет двоякую установку, активную и пассивную, соответственно бисексуальному расположению. Мальчик хочет также заменить отцу в качестве любовного об'екта мать; мы называем это женственной установкой.

Относительно доисторического периода эдипова комплекса у мальчика нам еще далеко не все ясно. Мы знаем из него идентификацию с отцом, связанную с нежными побуждениями и лишенную еще характера соперничества в отношении к матери. Другим элементом этого предшествующего периода является, по моему мнению, не отсутствующая ни в одном случае мастурбаторная манипуляция с гениталиями, онанизм в раннем детстве; более или менее насильственное подавление его со стороны воспитателей активирует кастрационный комплекс. Мы предполагаем, что этом онанизм связан с эдиповым комплексом и означает отреагирование его сексуального возбуждения. Неизвестно, берет

*) Гибель эдипова комплекса.

ли он свое начало в этих соотношениях или же он возникает самопроизвольно, как деятельность, связанная с определенными органами, и лишь впоследствии присоединяется к эдипову комплексу; вторая возможность является гораздо более вероятной. Возникает еще вопрос о роли ночного недержания мочи и об отвыкании от этого вследствие вмешательства воспитания. Мы предпочитаем простой синтез, согласно которому ночное недержание мочи является результатом онанизма, а подавление его оценивается мальчиком как торможение его генитальной деятельности, т. е. в смысле угрозы кастрации; но неизвестно, будем ли мы правы в каждом отдельном случае. Наконец, анализ дает нам возможность смутно узнать о том, что подслушивание coitus'a между родителями в очень раннем детском возрасте может вызвать первое сексуальное возбуждение и стать в силу своего последующего влияния исходным пунктом для всего сексуального развития. Онанизм, равно как и обе установки эдипова комплекса присоединяются впоследствии к получающемуся в результате подслушивания впечатлению. Однако, мы не можем предположить, что такое подслушивание coitus'a имеет всегда место, и сталкиваемся здесь с проблемой „первофантазий" („Urphantasien"). Если, таким образом, в доисторическом периоде эдипова комплекса у мальчика есть так много невыясненного, то следует проверить и решить, всегда ли существует один и тот же путь и не приводят ли самые различные предварительные стадии к центральному пункту одной и той же конечной ситуации.

Эдипов комплекс маленькой девочки скрывает в себе проблему глубже, чем эдипов комплекс мальчика. Первоначально мать являлась для обоих первым об'ектом; мы не должны удивляться, если мальчик сохраняет этот об'ект и в эдиповом комплексе. Но каким образом девочка отказывается от него и выбирает в качестве об'екта отца? При разрешении этого вопроса я имел возможность установить некоторые положения, которые могут пролить свет именно на доисторический период эдиповского соотношения у девочки.

Каждый аналитик имел возможность изучить женщин, которые с особой интенсивностью и упорством сохраняли свою привязанность к отцу и желание получить от отца ребенка, желание, в котором эта привязанность получила свое высшее выражение. Можно с полным основанием предположить, что это фантастическое желание было также и движущей силой их инфантильного онанизма, и тогда легко получается такое впечатление, что мы находимся здесь перед элементарным, не поддающимся дальнейшему разложению фактом детской сексуальной жизни. Однако, подробный анализ этих именно случаев показывает нечто другое, а именно, что эдипов комплекс имеет в данном случае долгий доисторический период и является до некоторой степени вторичным образованием.

По замечанию старого детского врача Линднера*) ребенок открывает доставляющую удовольствие гени-

*) Теория полового влечения. Русск. пер. см. Психолог. психоаналит. библ. Вып. VIII. Москва. Госиздат.

тальную зону — penis или клитор — во время сладострастного сосания (Lutschen). Я хочу оставить открытым вопрос о том, действительно ли ребенок пользуется этим новоприобретенным источником удовольствия для замены недавно потерянной материнской груди, на что могут указывать позднейшие фантазии (Fellatio). Короче говоря, генитальная зона когда-нибудь открывается, и у нас нет, повидимому, никакого основания подвести первые манипуляции с ней под психическое содержание. Однако, ближайшим моментом в начинающейся таким образом фаллической фазе является не связь этого онанизма с об'ектными привязанностями эдипова комплекса, а чреватое тяжелыми последствиями открытие, выпадающее на долю маленькой девочки. Она случайно обнаруживает большой, легко заметный penis у брата или сверстника, распознает его как преувеличенный аналог своего собственного маленького и скрытого органа, и ею овладевает зависть к penis'у.

Интересна противоположность в поведении обоих полов: в аналогичном случае, когда маленький мальчик впервые видит генитальную область девочки, он ведет себя нерешительно, прежде всего он мало интересуется; он ничего не видит или отрицает свое восприятие, ослабляет его, ищет подтверждений, которые привели бы это восприятие в соответствие с его ожиданием. Лишь впоследствии, когда на него оказывает свое действие угроза кастрации, тогда это наблюдение становится для него многозначительным; воспоми-

нание о нем или новое наблюдение вызывает в нем взрыв устрашающего аффекта и вынуждает его поверить в действительность угрозы, к которой он до сих пор относился иронически. Из этого соотношения вытекают две реакции, которые могут зафиксироваться, а затем каждая из них в отдельности или обе вместе или в совокупности с другими моментами могут надолго определить его отношение к женщине: боязнь изуродованного существа или презрение к нему, вызванное чувством превосходства. Но это развитие происходит уже в будущем, хотя и не очень отдаленном.

Иначе ведет себя маленькая девочка. У нее мгновенно созревает суждение и решение. Она видит penis, знает, что у нее нет его, и хочет иметь его*).

Здесь ответвляется свойственный женщине, так называемый комплекс мужественности, который иногда доставляет большие трудности предначертанному развитию к женственности, если не удается вскоре преодолеть его. Надежда получить все-таки когда-нибудь penis и стать таким образом равной мужчине может сохраниться в течение очень долгого времени и стать мотивом для странных, иногда непонятных поступков. Или начинается процесс, который я назвал бы о т р и-

*) Здесь уместно внести поправку в положение, высказанное мною несколько лет тому назад. Я полагал, что сексуальный интерес ребенка пробуждается не вследствие различия полов, как это имеет место у созревающего индивида, а в связи с проблемой, откуда берутся дети. Это, конечно, неверно, по крайней мере, для девочки. У мальчика это происходит один раз так, другой раз иначе, или же у обоих полов решающим моментом в этом отношении являются случайные жизненные события.

цанием; процесс этот наступает в детской душевной жизни нередко и, повидимому, не таит в себе опасностей; у взрослого же он знаменовал бы собою психоз. Девочка отказывается признать факт своей кастрации, твердо убеждена в том, что она обладает penis'ом и вследствие этого вынуждена вести себя так, как если бы она была мужчиной.

Психические последствия зависти к penis'у, поскольку она не растворяется в реактивном образовании комплекса мужественности, разнообразны и многозначительны. С признанием своей нарцистической раны у женщины возникает—словно рубец—чувство малоценности. После того, как она преодолевает первую попытку об'яснить отсутствие у нее penis'а понесенным ею лично наказанием и узнает об общераспространенности этого характерного полового признака, она начинает разделять пренебрежение мужчины к полу, имеющему дефект в столь важной части организма и продолжает, по крайней мере, в этой оценке приравнивать себя к мужчине*).

Даже в том случае, если она не испытывает зависти к penis'у в отношении к себе самой, зависть эта

*) Еще в первых критических взглядах, изложенных мною в „Очерке истории психоаналитического движения" (1913) я признал, что в этом заключается зерно истины учения Адлера, которое выводит, не задумываясь ни на минуту, весь мир из этого одного пункта (органическая малоценность—мужской протест—уход от женской линии) и гордится при этом тем, что оно лишило сексуальность ее значения в пользу стремления к могуществу. Единственным „малоценным" органом, который без сомнения заслуживает этого названия, является, таким образом,

не исчезает: с помощью небольшого передвигания она получает свое выражение в характерной черте ревности. Конечно, ревность свойственна не одному только полу; она имеет более широкое обоснование, однако я полагаю, что в душевной жизни женщины она играет все же гораздо большую роль, так как она получает огромное подкрепление из источника подавленной зависти к penis'у. Еще прежде, чем я мог сделать такой вывод относительно ревности, я выделил первую фазу столь частой у девочки онанистической фантазии, которая была названа: „Ребенка бьют". Смысл этой фантазии сводится к тому, что бьют другого ребенка, которого девочка ревнует, как соперника*). Эта фантазия является, повидимому, остатком фаллического периода у девочки; своеобразное упорство, поразившее меня в однообразной формуле: „ребенка бьют", допускает, по всей вероятности, еще особое толкование. Ребенок, которого бьют, resp. любят, является в сущности ничем иным как клитором, так что это выражение содержит в глубинах своих признание мастурбации, которая связана с содержанием этой формулы, начиная

клитор. С другой стороны, нередко можно слышать, что некоторые аналитики хвастают тем, что несмотря на многолетние усилия они не имели случая убедиться в существовании кастрационного комплекса. Нужно в изумлении преклониться перед этой способностью (даже если это лишь негативная способность), перед этим умением проглядеть и не заметить. Оба эти учения составляют интересное дополнение друг к другу: одно не обнаруживает никаких следов кастрационного комплекса, другое не замечает никаких последствий этого комплекса.

*) „Ein Kind wird geschlagen" (Собр. сочинений, т. V.).

с фаллической фазы вплоть до более поздних времен.

Третьим следствием зависти к penis'у является, повидимому, ослабление нежного отношения к матери. Связь эта не совсем понятна, но всегда можно убедиться в том, что виновницей отсутствия penis'а, считается в конце-концов почти всегда мать, которая родила ребенка на свет, не наделив его всем необходимым. Исторический ход мыслей таков, что вскоре после обнаружения дефекта в гениталиях возникает ревность в отношении к другому ребенку, который якобы больше любим матерью; и это является поводом для освобождения от привязанности к матери. Это обстоятельство согласуется с тем, что этот более любимый матерью ребенок становится первым об'ектом фантазии о наказании его, которая предшествует мастурбации.

Поразительное влияние зависти к penis'у — или открытия малоценности клитора — является, конечно, самым важным из всех. Раньше я неоднократно получал впечатление, что женщина в общем хуже переносит мастурбацию, нежели мужчина, чаще борется с ней и не прибегает к ней тогда, когда мужчина при тех же самых условиях безусловно пользуется этим средством. Разумеется, если принять это положение за правило, то опыт укажет нам на многочисленные исключения из него. Реакции индивидов обоего пола состоят, ведь, из мужских и женских черт. Но тем не менее у нас есть основание предположить, что мастурбация более

чужда природе женщины, и для разрешения этой предполагаемой проблемы следует принять во внимание, что по крайней мере мастурбация, связанная с клитором, является мужской манипуляцией и что условием для развития женственности является устранение сексуальности, связанной с клитором. Анализы фаллической фазы показали мне, что вскоре после проявления зависти к penis'у у девочки наступает энергичное сопротивление против онанизма, которое не может быть об'яснено одним только влиянием воспитания. Это побуждение является, очевидно, предвестником того вытеснения, которое устранит ко времени созревания большую часть мужской сексуальности, чтобы дать место развитию женственности. Возможно, что эта первая оппозиция против аутоэротической деятельности не достигает своей цели. В анализированных мною случаях так и было. Затем конфликт продолжается, и тогда, как и впоследствии, девочка делает все, чтобы освободиться от онанизма. Некоторые позднейшие проявления сексуальной жизни женщины остаются непонятными, если не учитывается этот веский мотив.

Я не могу об'яснить себе этого сопротивления маленькой девочки против фаллического онанизма иначе, как предположив, что эта доставляющая удовольствие деятельность жестоко страдает от возникающего вслед за ней момента. Этого момента не надо долго искать. Это—связанная с завистью к penis'у обида, напоминание, что в этом пункте нельзя сравниться с мальчиком и поэтому лучше всего отказаться от соревно-

вания с ним. Таким образом, познание анатомического различия полов отталкивает маленькую девочку от мужественности и от мужского онанизма и направляет ее на новые пути, которые ведут к развитию женственности.

Об эдиповом комплексе до сих пор не было речи, он до сих пор и не играл никакой роли. Но теперь либидо девочки занимает новую позицию (можно лишь сказать: путем предначертанного символического сравнения penis=ребенок). Она отказывается от желания иметь penis, чтобы заменить его желанием иметь ребенка, и для этой цели она выбирает в качестве любовного об'екта отца. Мать становится об'ектом ревности, маленькая девочка превращается в женщину. Если я могу доверять единичному аналитическому результату, то в этой новой ситуации дело может дойти до физических ощущений, которые должны быть учтены, как преждевременное пробуждение женского генитального аппарата. Если девочка отказывается впоследствии от этой привязанности к отцу в силу безнадежности ее, то привязанность эта может вылиться в идентификацию с отцом, вместе с которой девочка возвращается к комплексу мужественности и иногда фиксируется на нем.

Я сказал все существенное, что мне было нужно, и останавливаюсь теперь, чтобы окинуть взором результаты, к которым мы пришли. Мы познакомились с доисторическим периодом эдипова комплекса у девочки. Относительно этого же периода развития у мальчика

нам абсолютно ничего неизвестно. У девочки эдипов комплекс является вторичным образованием. Ему предшествуют и его подготовляют воздействия кастрационного комплекса. В соотношении между эдиповым и кастрационным комплексами существует фундаментальная разница у обоих полов. В то время как эдипов комплекс мальчика погибает вследствие кастрационного комплекса *), эдипов комплекс девочки становится возможным и возникает благодаря кастрационному комплексу. Это противоречие получает свое объяснение, если принять во внимание, что кастрационный комплекс оказывает при этом свое действие всегда в духе своего содержания, задерживая и ограничивая мужественность и способствуя развитию женственности. Разница в этой части сексуального развития у мужчины и у женщины является понятным следствием анатомического различия гениталий и связанной с этим психической ситуации; она соответствует разнице между осуществленной кастрацией и кастрацией, которая только угрожает. Таким образом наш результат является в основе своей чем-то само собою понятным, что можно было предвидеть сначала.

Между тем эдипов комплекс имеет такое важное значение, что далеко не безразлично, каким образом попадают в эту ситуацию и каким образом освобождаются от нее. Как я показал в предыдущем сообще-

*) См. „Гибель эдипова комплекса".

нии, результаты которого здесь подтверждаются мною, этот комплекс у мальчика не просто вытесняется, он буквально разрушается под влиянием шока, связанного с угрозой кастрации. Мальчик отказывается от своих либидинозных привязанностей, которые десексуализируются и отчасти сублимируются. Об'екты их включаются в состав „Я", где они образуют ядро „сверх-Я" и придают этому новообразованию характерные особенности. В нормальном, лучше говоря: в идеальном случае, эдипов комплекс не существует уже больше и в бессознательном, „сверх-Я" стало его наследником. Так как penis обязан—в смысле Ференци—своей чрезвычайно высокой нарцистической насыщенностью своему органическому значению для продолжения рода, то катастрофу эдипова комплекса—отказ от инцеста, возникновение совести, морали—следует учитывать как победу рода над индивидом. Это интересная точка зрения, если принять во внимание, что невроз основан на возмущении „Я" против требований сексуальной функции. Но если мы оставим точку зрения индивидуальной психологии, то это отнюдь не приведет нас к ясности запутанных соотношений.

У девочки отпадает мотив для разрушения эдипова комплекса. Кастрация уже раньше оказала свое действие, которое состояло в том, что оно толкнуло ребенка к ситуации эдипова комплекса. Поэтому последний избегает той участи, которая была ему предуготовлена у мальчика; девочка изживает его медленно, упраздняет его путем вытеснения; его влияние

распространяется далеко в область нормальной душевной жизни женщины. Я говорю об этом неохотно, но не могу отделаться от мысли, что нормальный уровень нравственности у женщины—иной. „Сверх-Я“ никогда не будет столь неумолимо, столь безлично и столь независимо от своих аффективных источников, как мы этого требуем от мужчины. Характерные черты, которые критика издавна ставила в упрек женщине, что она менее способна испытывать чувство справедливости, нежели мужчина, что она менее способна подчиняться настойчивым жизненным необходимостям, что она в своих решениях чаще руководится нежными и враждебными чувствами,—эти характерные черты находят себе достаточное обоснование в вышеприведенной модификации образования „сверх-Я“. Возражение феминистов, которые хотят нам навязать полное равноправие и одинаковую оценку полов, не должно вводить нас в заблуждение, хотя следует охотно признать, что и многие мужчины далеки от мужского идеала и что все люди соединяют в себе мужские и женские характерные черты вследствие своего бисексуального предрасположения и перекрестной наследственности, так что мужественность и женственность в чистом виде остаются теоретическими конструкциями с неопределенным содержанием.

Я склонен придать сделанным здесь выводам о психических следствиях анатомического различия полов некоторую ценность, однако, я знаю, что ценность эта сохранится лишь в том случае, если эти открытия,

сделанные на основании нескольких случаев, получат всеобщее подтверждение и окажутся типичными. В противном случае они останутся материалом для познания разнообразных путей в развитии сексуальной жизни.

В ценных и содержательных работах—о комплексе мужественности и о кастрационном комплексе у женщины—Абрагама (Äusserungsformen des weiblichen Kastrationskomplexes, Int. Zschr. f. PsA., Bd. VII), Горнея (Zur. Genese des weiblichen Kastrationskomplexes, там же, Bd. IX), Елены Дейч (Psychoanalyse der weiblichen Sexualfunktionen, Neue Arb. z. ärztl. PsA., № V) содержится многое, близко соприкасающееся с моим изложением: моя же статья содержит еще и некоторые новые моменты, так что в этом отношении она может быть оправдана.

Заметки о „вечном блокноте“.

Если я не доверяю своей памяти—как известно, с невротиком это случается очень часто, но и у нормального человека есть достаточно оснований для этого—то я могу дополнить и обеспечить ее функцию, прибегая для этого к записи. Поверхность, хранящая эту запись, грифельная доска или лист бумаги является как бы материализованной частью аппарата воспоминания, который я в противном случае незримо ношу в себе.

Мне стоит лишь заметить себе, на каком месте помещено это зафиксированное таким образом „воспоминание“, чтобы я мог в любую минуту по желанию „репродуцировать“ его, и я уверен в том, что оно осталось неизменным, т. е. что оно не подверглось искажениям, которое оно претерпело бы может быть в моей памяти.

При желании пользоваться этой техникой для улучшения функции моей памяти в широких размерах я замечаю, что в моем распоряжении имеются два различных способа. Во-первых, я могу выбрать для заметок такую поверхность, которая сохраняет сделанную на ней запись в течение неопределенно долгого времени, т. е. лист бумаги, на котором я пишу чернилами. В этом случае я получаю „длительный след воспоминания“. Недостаток этого способа заключается

в том, что поверхность, на которой я делаю запись, скоро теряет способность к восприятию. Лист целиком исписан, на нем нет места для новых записей, и я вынужден взять для употребления другой, еще неисписанный лист. Преимущество этого способа, состоящее в том, что он сохраняет „длительный след“, тоже может потерять для меня свою ценность, и в том именно случае, когда у меня спустя некоторое время пропадает интерес к сделанной записи, и я не хочу больше „сохранять ее в памяти“. Другой способ свободен от обоих этих недостатков. Когда я пишу, например, мелом на доске, то я располагаю воспринимающей поверхностью, которая сохраняет свою способность к восприятию в течение неограниченно долгого времени: кроме того, я могу уничтожить сделанную запись, как только она перестает интересовать меня, сохраняя вместе с тем поверхность, на которой эта запись была сделана. Недостаток этого способа заключается в том, что я не могу получить здесь длительного следа. Если я хочу сделать новую запись на доске, то я должен стереть то, что уже написано на ней. Неограниченная способность к восприятию и сохранение длительных следов исключают, таким образом, друг друга в приспособлениях, которыми мы заменяем нашу память; мы должны либо иметь новую воспринимающую поверхность, либо уничтожить запись.

Вспомогательные аппараты, изобретенные нами для улучшения или усиления функций органов наших чувств, все построены аналогично самому органу чув-

ства или части его (очки, фотографическая камера, слуховая трубка и т. д.). В сравнении с этим вспомогательные приспособления для нашей памяти кажутся особенно недостаточными, так как наш душевный аппарат производит то, чего они не могут произвести; он способен в неограниченных размерах к все новым и новым восприятиям и создает вместе с тем длительные — хотя и не совсем неизменяющиеся — следы воспоминаний. Уже в „Толковании сновидений" (1900) я высказал предположение, что эта необыкновенная способность распределена между двумя различными системами (органами душевного аппарата). Мы обладаем системой В - Сз,*) которая предназначена для восприятий, но не сохраняет длительного следа от них, так что в отношении нового восприятия она может быть приравнена к неисписанному еще листу бумаги. Длительные следы воспринятых возбуждений остаются в расположенной глубже „системе воспоминания". Впоследствии („По ту сторону принципа удовольствия"**) я присовокупил к этому положению замечание, что необ'яснимый феномен сознания возникает в системе восприятия на *месте* длительных следов.

Недавно в продажу поступил небольшой прибор под названием „*вечный блокнот*", дающий нам бо́льшие возможности, чем лист бумаги или грифельная доска. На первый взгляд это ничто иное, как грифельная доска, с которой можно легко стереть запись.

*) Восприятие—сознание.

**) См. русск. перев. в изд. „Современные Проблемы". Москва 1925.

Но если исследовать его подробнее, то в его конструкции можно найти заслуживающую внимания аналогию с предположенной мною структурой нашего воспринимающего аппарата и убедиться в том, что он обладает обоими качествами: всегда готовой воспринимающей поверхностью и длительными следами воспринятых записей.

„Вечный блокнот“ представляет собой окаймленную бумагой смолистую или восковую массу, над которой протянут тонкий просвечивающий лист, прикрепленный к верхнему концу восковой пластинки и свободно прилегающий к нижнему ее концу. Этот лист является наиболее интересной частью этого небольшого прибора. Он состоит из двух слоев, которые вне обоих поперечных краев могут быть отделены друг от друга. Верхний слой представляет собой прозрачную целлулоидную пластинку, нижний — тонкую, тоже просвечивающую восковую бумагу. Когда аппарат не находится в употреблении, то задняя поверхность восковой бумаги легко приклеивается к передней поверхности восковой пластинки.

При пользовании этим „вечным блокнотом“ делают запись на целлулоидной пластинке, покрывающей восковую пластинку. Для этого не нужно ни карандаша, ни мела, так как запись основана не на том, что материал фиксируется на воспринимающей поверхности. Мы имеем здесь возврат к письму древних народов на глиняной или восковой поверхности. Остроконечная палочка (стиль) скользит по поверхности, углубления на которой представляют собой „письмо“. При „вечном блокноте“ палочка скользит не непосредственно

по воспринимающей поверхности, а через посредство покрывающего ее листа. Палочка (стиль) вдавливает заднюю поверхность воскового листа в восковую пластинку в тех местах, с которыми она соприкасается, и эти углубления просвечивают в виде неясного письма через гладкую серовато-белую поверхность целлулоида. Чтобы уничтожить запись, достаточно легким движением приподнять покрывающий лист за свободный конец и отклеить его от восковой пластинки. Благодаря этому разрушается внутренний контакт между восковой бумагой и восковой пластинкой в тех местах, где были углубления; на этом контакте было основано просвечивание письма, и оно больше не восстанавливается даже в том случае, когда обе поверхности опять приходят в соприкосновение друг с другом. Теперь „вечный блокнот“ свободен от записи и готов к восприятию новых заметок.

Разумеется, некоторое несовершенство этого прибора не представляет для нас никакого интереса, так как мы хотели проследить лишь приближение его к структуре воспринимающего душевного аппарата.

Если осторожно отклеить целлулоидную пластинку от восковой бумаги, когда „вечный блокнот“ исписан, то письмо видно ясно также и на поверхности последней, и тогда может возникнуть вопрос о том, зачем вообще нужна целлулоидная пластинка. Опыт показывает, что тонкая бумага легко собирается в складки или разрывается, если писать непосредственно на ней острой палочкой (стилем). Таким образом, целлулоидная пластинка является защитной оболочкой для восковой

бумаги, при чем назначение этой оболочки состоит в том, что она должна предохранять бумагу от вредных воздействий, идущих извне. Целлулоид является „защитой от раздражений“; собственно воспринимающим раздражения слоем является бумага. Я хочу указать здесь на то, что в своей работе „По ту сторону принципа удовольствия“ я установил, что наш воспринимающий душевный аппарат состоит из двух слоев, из наружного, служащего защитой от раздражений, понижающего величину поступающих возбуждений, и из воспринимающей раздражения поверхности, системы B-Cз.

Эта аналогия не имела бы ценности, если бы мы не могли проследить ее глубже. Если отклеить всю покрывающую пластинку—целлулоид и восковую бумагу—от восковой пластинки, то письмо уничтожается и, как было указано выше, потом не восстанавливается. Поверхность „вечного блокнота“ свободна от старой записи и способна к восприятию новой записи. Однако, легко установить, что длительный след написанного сохранился на самой восковой пластинке и может быть прочитан при соответствующем освещении. Таким образом, „вечный блокнот“ дает нам не только всегда пригодную к употреблению воспринимающую поверхность, подобно аспидной доске, но и длительные следы написанного, подобно обыкновенному бумажному блокноту; он разрешает проблему об'единения обоих моментов благодаря тому, что он состоит из двух обособленных, но находящихся в то же время в связи между собой составных ча-

стей — систем. Но точно таким же способом выполняет свою функцию восприятия, согласно вышеприведенному предположению, наш душевный аппарат. Воспринимающий раздражения слой — система В-Сз — не образует длительных следов; базис для воспоминания заложен в других, примыкающих к нему системах.

При этом нас не должно смущать, что длительные следы записи, сделанной в „вечном блокноте", не используются; довольно того, что они существуют. Ведь где-нибудь должна закончиться эта аналогия между таким вспомогательным аппаратом и органом, по образцу которого он построен. Разумеется, „вечный блокнот" не может также „репродуцировать" запись, которая когда-либо была погашена; в противном случае это был бы поистине „чудо-блокнот", если бы он мог осуществить это так, как это делает наша память. Тем не менее, мне не кажется слишком рискованным сравнить покрывающую пластинку, состоящую из целлулоида и восковой бумаги, с системой В-Сз и ее защитой от раздражений; находящуюся за ней восковую пластинку — с бессознательным; просвечивание письма и его исчезновение — с появлением и исчезновением сознания при восприятии. Но я признаюсь, что мне хочется продолжить еще это сравнение.

В „вечном блокноте" письмо исчезает всякий раз, когда нарушается внутренний контакт между воспринимающей раздражения бумагой и сохраняющей впечатления восковой пластинкой. Это совпадает с тем представлением, которое я давно составил себе о функци-

онировании нашего воспринимающего душевного аппарата, но которое я до настоящего времени еще не опубликовал. Я предположил, что иннервации, насыщающие сознание, посылаются изнутри быстрыми периодическими толчками в абсолютно проходимую систему В-Сз и оттягиваются назад. Покуда система насыщается таким образом, она получает сопровождающиеся сознанием восприятия и проводит возбуждение дальше в бессознательные системы воспоминания; как только насыщение прекращается, сознание угасает, и деятельность системы прекращается. Дело обстоит так, как будто бессознательное протягивает с помощью системы В-Сз щупальцы во внешний мир, которые быстро оттягиваются назад, после того как они ощутили существующие в нем возбуждения. Таким образом, я вывожу нарушения контакта, которые происходили в „вечном блокноте“ извне, из прерывистости иннервационного тока; на месте действительного упразднения контакта в моем предположении стояла периодически наступающая невозбудимость системы восприятия. Я предположил далее, что этот прерывистый modus работы системы В-Сз лежит в основе представления о времени.

Если представить себе, что в то время, как одна рука исписывает поверхность „вечного блокнота“, другая периодически отклеивает его покрывающую пластинку от восковой пластинки, то это будет наглядным изображением того, как я мыслю себе функцию нашего воспринимающего душевного аппарата.

Отрицание.

Та форма, в какую наши пациенты облекают свои свободные ассоциации во время аналитической работы, дает нам повод к некоторым интересным наблюдениям. „Теперь вы подумаете, что я хочу сказать что-либо обидное, но на самом деле я не имею такого намерения". Мы понимаем, что это есть отрицание всплывающей свободной ассоциации с помощью проекции. Или: „Вы спрашиваете, кого может изображать эта фигура в сновидении. Это—не мать". Мы поправляем: следовательно, это мать. Мы берем себе право при толковании не принимать во внимание отрицания и учитывать абсолютное содержание свободной ассоциации. Дело обстоит так, как если бы пациент сказал: „Хотя по поводу этой фигуры мне пришла в голову мысль о матери, но я не имею никакого желания допустить эту свободную ассоциацию".

Иногда можно найти искомое об'яснение вытесненного бессознательного с помощью очень удобного способа. Врач спрашивает: что вы считаете наименее вероятным в данной ситуации? О чем, по вашему мнению, вы могли тогда меньше всего думать? Если па-

циент попадает в ловушку и называет то, о чем он меньше всего мог бы думать, то этим самым он почти всегда дает правильное об'яснение. Красивый контраст к этому опыту возникает часто у пациента, страдающего неврозом навязчивости и дошедшего до понимания своих симптомов. „У меня возникло новое навязчивое представление. Мне тотчас же пришло в голову, что оно может означать то-то и то-то. Но нет, это не так, в противном случае это не могло бы притти мне в голову. Об'яснение, отвергнутое им из заимствованных у лечения оснований, является, конечно, истинным смыслом нового навязчивого представления.

Следовательно, содержание вытесненного представления или мысли может проникнуть в сознание при условии отрицания его. Отрицание является способом познания вытесненного, оно является собственно уже упразднением вытеснения, но не является еще, разумеется, принятием вытесненного. Здесь можно видеть, как интеллектуальная функция отделяется от аффективного процесса. С помощью отрицания упраздняется лишь одно следствие процесса вытеснения, состоящее в том, что содержание представления не доходит до сознания. Из этого вытекает особый вид интеллектуального принятия вытесненного при сохранении сущности вытеснения*). В течение аналитической

*) Тот же самый процесс лежит в основе известного факта, когда человек „накликает" что-либо на себя. „Как хорошо, что у меня уже так давно не было мигрени!" Однако, это—лишь первый предвестник припадка, приближение которого человек уже чувствует, но во что он еще не хочет поверить.

работы мы часто создаем другое, очень важное и крайне удивительное изменение этой ситуации. Нам удается победить отрицание и добиться полного интеллектуального принятия вытесненного, но самый процесс вытеснения этим еще не упраздняется.

Так как задача интеллектуальной функции суждения заключается в утверждении или отрицании содержания мыслей, то вышеприведенные замечания привели нас к психологическому происхождению этой функции. Отрицать что-нибудь в суждении—это значит: это нечто такое, что я охотнее всего вытеснил бы. Осуждение является интеллектуальной заменой вытеснения, „нет" является его отличительным признаком, свидетельствующим о его происхождении, подобно „made in Germany". С помощью символа отрицания мышление освобождается от ограничений вытеснения и обогащает свое содержание, необходимое ему для функционирования.

Функция суждения должна в сущности затронуть два решения. Она должна приписывать или отрицать наличие какого-нибудь качества у определенной вещи, и она должна признавать или оспаривать у какого нибудь представления существование реальности. Качество, относительно которого должно быть принято решение, первоначально могло быть хорошим или плохим, полезным или вредным. Или, говоря на языке древнейших, оральных побуждений влечений: это я хочу кушать или хочу выплюнуть, а в более широком значении: это я хочу ввести в себя, а это я

хочу выделить из себя. Итак: оно должно быть во мне или вне меня. Первоначальное ощущающее удовольствие „Я“ (Lust-Ich) стремится, как я показал в другом месте, все хорошее интроецировать, а все плохое отбросить от себя прочь. Все плохое, чуждое „Я“, находящееся во вне—прежде всего идентично для него*).

Другое решение функции суждения, касающееся реального существования представленной вещи, является делом конечного реального „Я“ (Real-Ich), которое развивается из первоначального „Я“, связанного с удовольствием (Lust-Ich). (Испытание реальности). Теперь речь не идет уже больше о том, должно ли нечто воспринятое (вещь) быть принято в „Я“ или нет, а о том, может ли нечто, существующее как представление в „Я“, быть вновь найдено в восприятии (реальности). Как можно заметить, это опять таки вопрос о внешнем и о внутреннем. Нереальное, представляемое только, суб'ективное существует лишь внутри, другое же реальное существует и во вне. В этом развитии принцип удовольствия не был принят во внимание. Опыт показал, что важно не только то, обладает ли вещь (об'ект удовлетворения) „хорошим“ качеством, т. е. заслуживает ли он принятия в „Я“, но и то, существует ли он во внешнем мире так, чтобы при потребности в нем можно было овладеть им. Чтобы понять это развитие, нужно вспомнить

*) См. „Влечения и их судьба“. Психолог. и психоаналит библ. Вып. III, Госиздат. Москва—Петроград 1923. Стр. 103.

о том, что все представления происходят из восприятий, являются их повторениями. Следовательно, первоначально существование представления служит уже ручательством реальности представленного. Противоположность между суб'ективным и об'ективным не существует с самого начала. Она возникает лишь благодаря тому, что мышление обладает способностью репродуцировать в представлении нечто однажды воспринятое, для чего нет надобности в наличии существующего во вне об'екта. Следовательно, первая и ближайшая цель испытания реальности заключается не в том, чтобы найти в реальном восприятии соответствующий представлению об'ект, а в том, чтобы вновь найти его, убедиться, что он еще существует. Результатом другой способности мышления явилось дальнейшее отчуждение суб'ективного от об'ективного. Репродукция восприятия в представлении не всегда является точным повторением первого; она может быть модифицирована пропусками, изменена слиянием различных элементов. Тогда испытание реальности должно проверить, насколько многочисленны эти искажения. Но в качестве условия для установления испытания реальности необходима утрата об'ектов, которые некогда принесли реальное удовлетворение.

Суждение является интеллектуальным актом, от которого зависит выбор моторного акта и который кладет конец мышлению и переводит мышление в действие. Относительно отсрочки мышления я уже говорил в другом месте. Его следует рассматривать как

пробное действие, как моторное ощупывание с незначительной затратой энергии. Вспомним, где „Я“ предприняло такое ощупывание, когда была изучена эта техника, которая теперь нашла себе применение к процессам мышления? Это произошло на сенсорном конце душевного аппарата, при восприятиях, осуществляемых органами чувств. Согласно нашему предположению, восприятие не является чисто пассивным процессом: „Я“ периодически посылает небольшие количества иннервации (Besetzungsmengen) в систему восприятия, с помощью которых оно ощущает внешние раздражения для того, чтобы после каждого такого нащупывающего наступления отступить назад.

Изучение суждения проливает нам, быть может впервые свет на возникновение интеллектуальной функции из игры первичных побуждений влечений. Суждение является целесообразным дальнейшим развитием процесса внедрения в „Я“ или выталкивания из „Я“, процесса, который первоначально следовал принципу удовольствия. Полярность суждения соответствует, по-видимому, противоположности обеих предполагаемых нами групп влечений. Утверждение, заменяющее собой соединение, соответствует Эросу, отрицание же, являющееся следствием выталкивания, соответствует влечению к разрушению. Удовольствие от всеобщего отрицания, негативизм, у некоторых психотиков следует понимать, по всей вероятности, как признак расслоения влечений вследствие отнятия либидинозного компонента. Но выполнение функции суждения становится

возможным лишь благодаря тому, что создание символа отрицания позволило мышлению стать до некоторой степени независимым от последствий вытеснения, а тем самым и от гнета принципа удовольствия.

С этим пониманием вытеснения вполне согласуется тот факт, что при анализе мы не находим в бессознательном „нет“ и что признание бессознательного со стороны „Я“ выражается в негативной формуле. Для нас нет более сильного доказательства удавшегося открытия бессознательного, чем реакция анализируемого, выражающаяся фразой: „Этого я не думал“ или "Об этом я (никогда) не думал".

Цена 75 к.

КОМ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПСИХОАНАЛИЗА

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Д-р С. ФЕРЕНЦИ. Интроекция и перенесение.

Д-р М. ВУЛЬФ. Фантазия и реальность в психике ребенка.

Проф. З. ФРЕЙД. Психоаналитические этюды.

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ:

Проф. З. ФРЕЙД. О неврозе навязчивости.

Д-р Я. КОГАН. Идентификация и ее роль в художественном творчестве.

Д-р А. ХАЛЕЦКИЙ. К вопросу о восприятии художественного творчества.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
в Центральном Оптово-Розничном Книжном Складе
„СОВЕТСКАЯ МЕДИЦИНА“
ИЗ—ВА НАРКОМЗДРАВА РСФСР
МОСКВА, проезд Художественного театра, № 6
Телефоны №№ 5-33-44 и 3-42-73